

Из цикла
«Стихи о военной Горловке»

1

думает, дикий, из камня и глины он,
а взглядеться в дома и арки –
город подвешен на нити рябиновой
чьей-то молитвы жаркой.

2

война, брат, война...
на небесной таможене –
аншлаги!
прогоркла земля...
и даже ромашки
цветут осторожней
на минных полях...

3

дни на крови из былого восстали:
сталь разрывает морок:
люди сбиваются в пёстрые стаи –
невыносимо порознь
в дни на крови, дни коротких наречий,
правды в краюху с ближним
преполовиненной, чтобы на плечи
век свой взвалить и выжить.

4

К последнему звонку

хороший день, до одури простой:
цветёт сирень, слеза судьбу не точит,

и греются ежи у блокпостов,
и школьный сторож драит колокольчик...
над городом, распаханном в боях,
врастают души в голубинность рая,
и бродит ветер с запахом дождя
дворами мая...

5

затишье... в оцеплении минут,
когда ничто не рвётся и не жалит,
ты слушаешь живую тишину
везде: в доме, на улице, в подвале,
ты слушаешь её до немоты,
до хруста пальцев, до ушного звона
и чувствуешь: меняются черты
и тишина становится иконной.

* * *

Город без имени – в мареве дачном.
В городе – дом.
В дому –
окна с решётками, столик невзрачный, с пись-
мами к никому.
На терпеливо-ленивой бумаге –
болиголовы слов:
тропы степные, курганы, овраги,
реки без рукавов...
Мальчик с отцовским биноклем на шее –
бронзов, светловолос –
машет и машет бумажному змею.
Горькое чудо слёз.
Длинная нота оборванной нити,

слышная лишь ему...
Ветреный вечер – и свитер забытый,
ветхая даль и – в дому
алые маки усеяли стены...
Сколько в них ни кружи,
быт омрачит ощущение подмены,
правдоподобной лжи
в кресле, под лампой, в ещё один вечер.
Мошки на свет летят...
Дни, как матрёшки.
И в каждый –

всё меньше –
втискиваешь
себя.

* * *

Мне мало надо!
В. Хлебников

День случился тихим и нежарким.
Небо – в белотканых облаках.
На степной ковёр июльский, яркий
опускался вечер, и легка
показалась жизни перспектива:
август будет щедр на звездопад,
от упавших звёзд займутся ивы
и, как мы с тобою, отгорят.
А потом бездымные пожары
выполощет стужа добела,
и снегов взошедшую опару
март с дождём замесит пополам...
И когда впадут в истоки устья
и мгновенья сложатся в века,
в нас уже не будет прежней грусти –
только небо,
только облака.

* * *

(Троицкая поминальная суббота)

звони, звонарь, весь век со мною
чужие сердцу берега,
и небо майское больное
готово обронить снега...
по ним, по ним, ещё не падшим,
на край, за край, сквозь чёрный лес
к холму, где мне руками машет
родительский могильный крест...
под ним, под ним, теряя слоги
в словах нелепых, как судьба,
живые притчи о дороге
читать по солнечным губам.

ЧИСТЫЙ ЧЕТВЕРГ

Апрель истачивал снега...
С землёй, налипшей на подошвы,
хотелось броситься к ногам
цветущих верб,
грошовым прошлым
вплотную стоя к сорока...
А день струился, чист и значим,
и небо в редких облаках
лакал из лужи пёс бродячий.

* * *

В подстаканнике – крепкий сон,
на стекле – чешуйка луны,
два дыхания в унисон:
виновато и – без вины.
Ночь как ночь: голова да хвост –
поезд сонной ползёт змеёй,
да часовенка, да погост,
разделённые колеёй.

АВГУСТ В КРЫМУ

С виноградной лозы опускаются
гроздьга тумана,
начинается день незатейливым танцем песка;
дети солнечных снов просыпаются тихо и рано,
дети тёмных надежд спят, печаль отведя
от виска.

На последнем витке оборвалась совиная песня,
затаилась в листве, сумрак цепко сжимая
в когтях;
в незнакомую жизнь, как в любимую книгу,
отвесно
загляни и листай пересказов солёный костяк.

Весь посёлок пропах шашлыком, разнотравьем
и морем,
по двору ходит птица с подрезанным белым
крылом;
ты налей ей воды, я насыплю гранатовых зёрен:
ей недолго ходить меж добром
и содеянным злом.

Да и нам не с руки наряжаться
в одежды бессмертных,
встретим вечер в беседке из дикого камня, игру
чёрно-белых фигур освежая тягучим десертным,
и отложим опять, и оставим стоять на ветру...

ТРОПАМИ ЗНАКОВ

*меркнут знаки зодиака...
Н. Заболоцкий*

В столпотворенье знаков через пробелы в днях
сердце бежит собакой чуть впереди меня.

Рвутся дворы на митинг в брошенные сады,
рвутся наитий нити – рядом лишь поводырь.

Дремлет похмельно дворник, не закрывая глаз,
и дождевые корни цедают по капле нас.

Улицы топчем, степь ли, между добром и злом
нас дождевые стебли стягивают узлом

в томик стихов и притчей, но и таких, без доль,
мокрые стаи птичьи перелистают вдоль

и поперёк: ковыльим судьбам недолог срок
стать дождевою пылью и оседать меж строк

в столпотворенье знаков через пробелы в днях
там, где бежит собакой чуть впереди меня сердце...

ГОРЬКОЕ

Докурим злую нашу скуку,
что жизнь – одна,
и смерть – одна,
что каждой фразе, слову, звуку
не избежать двойного дна,
наполним дымом горькой правды –
одной из многих горьких правд –
стихи и спрячем их в тетради,
как прячут в ящик путь назад,
туда, где рвань – что было тонко –

сшивает вера, как скорняк,
где ветер треплет распашонкой
цветы жасмина у плетня,
и лепестки слетают в зыбку,
что и взаправду так зыбка,
где носят траур, как улыбку,
и ждут вестей издалека.

* * *

Странный печальный мальчик
чашку с горячим чаем
к сердцу прижал и плачет,
ближних не замечая.
Тихая соль каплет прямо на цыпки,
маленькому предтече
слышно: на улицах города скрипки
голос вочеловечен.
И в подтверждение таинства первым
цветом взошли фиалки
прежде, чем майское солнце, как дервиш,
скрылось в Железной Балке.
Сколько ему? По глазам – уже тридцать.
Страшно подумать, что, может быть, сорок.
Время крадёт наши детские лица,
но нет – и не будет – вора,
чтобы из сердца любовь пуповинную...
Две вещи воспринял он, как мужчина:
то, что бывают холодными ночи и длинными,
и то, что сегодня её годовщина.
Странный печальный мальчик
чашку с горячим чаем
к сердцу прижал и плачет:
«Чаю воскресения, чаю...»

О НЕЙ

Осенью – дороги длинней, осенью – протяжнее вздох,
осенью – все мысли о ней, уходящей в белый пролог,
а душа – темна и странна, словно не родня никому,
и указа нет – начинать наводить порядки в дому:
день убитый – в ящик стола, память – горсткой специй в вино,
горьким смехом быт пополам разорвать и бросить в окно,
и сидеть в сырой темноте, выключив и сердце, и свет,
словно бы давно так хотел: обнулить все счётчики лет,
и дышать по-рыбьи начать, и, звериным слухом едва
различая звуки в речах, привыкать к их дырам и швам
как вещам, что в темени вод обитают тысячи зим
и уводят в безвесть того, кто решил довериться им,
а когда холодный рассвет поднесёт предметы к глазам,
выбрать самый яркий – в ответ на попытку что-то сказать,
роясь в пожелтевших словах, что с небес в отточие дней
катится моя голова и все мысли – только о ней, уходящей...